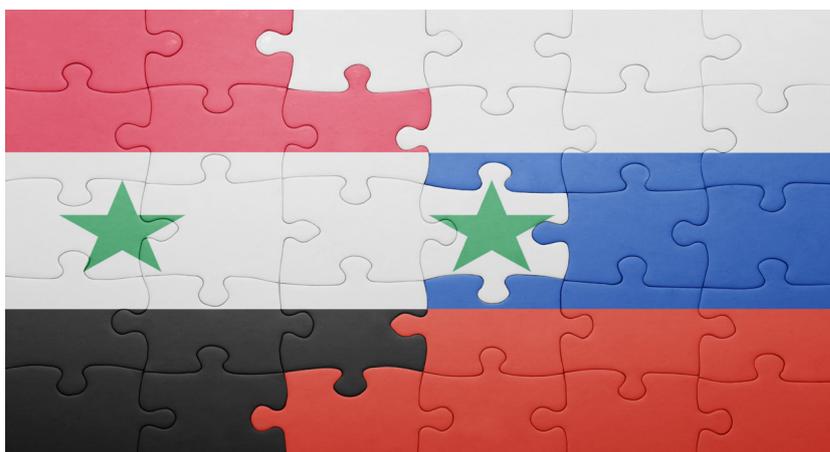

Российская дипломатия на Ближнем Востоке: возврат к геополитике

Александр Шумилин

Май 2016

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из главных французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

ISBN : 978-2-36567-562-8

© Все права защищены, Ifri, 2016

Прочитать публикацию:

Александр Шумилин, «Россия на Ближнем Востоке: от экономики к геополитике»,
Russie.Nei.Visions, № 93, май 2016.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15 – FRANCE

Tél. : +33 (0)1 40 61 60 00 – Fax : +33 (0)1 40 61 60 60

E-mail : accueil@ifri.org

Ifri-Bruxelles

Rue Marie-Thérèse, 21 1000 – Bruxelles – BELGIQUE

Tél. : +32 (0)2 238 51 10 – Fax : +32 (0)2 238 51 15

E-mail : bruxelles@ifri.org

Веб-сайт : ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Об авторе

Александр Иванович Шумилин – доктор политических наук, автор многочисленных работ по проблемам отношений США/ЕС – Россия – Ближний Восток, руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады Российской академии наук. После окончания МГИМО (У) в 1976 году работал журналистом Гостелерадио СССР, научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР, переводчиком в Йемене (1980 г.), сотрудником Посольства СССР в Тунисе (1982-1985 гг), руководителем бюро российских газет в Алжире (1988-1991 гг), Каире (1991-1997 гг) и одновременно в Абу Даби (1993-1997 гг). Автор ряда монографических работ по проблемам Ближнего Востока.

Среди последних публикаций автора:

- Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М.: Международные отношения. 2015. 335 с.
- Сирийский кризис и стратегия России по отношению к странам Персидского залива, Gulf Research Center, 2014. The Syrian Crisis and Russia's Approach to the Gulf (Gulf Research Center 2014). – 30 с.
- Россия и «новые элиты» стран «Арабской весны»: возможности и перспективы взаимодействия // М.: РСМД. Рабочая тетрадь. № V. 2013.
- Россия и США на Ближнем Востоке: партнёры-соперники. – М.: Русь – Олимп, 2011. – 351 с.

Краткое содержание

С советских времен и по сегодняшний день подход Москвы к Ближнему Востоку претерпел существенные изменения: от создания зон влияния в контексте противостояния Западу (СССР) к восприятию региона через призму преимущественно экономических интересов (90-е годы), и, наконец, до нынешнего видения его в прагматическом ключе. Последнее есть по сути симбиоз двух предыдущих этапов, когда Ближний Восток становится для России и плацдармом для военно-политических маневров в рамках конфронтации с Западом, и одновременно рассматривается как потенциально многообещающий рынок для современного вооружения РФ, ее машиностроения и тяжелой автомобильной техники. Обращается Москва сегодня к этому региону и как к потенциальному источнику финансовых ресурсов – кредитов, инвестиций.

Сегодня прагматический подход Москвы к Ближнему Востоку подвергается испытанию сирийским кризисом. Действия России в Сирии (в военном и политическом планах) ставят ряд важных вопросов. В какой степени они соответствуют более широким – региональным – интересам России, укрепляют ее авторитет в арабском (суннитском) мире? Какой должна быть долговременная стратегия России в этом регионе, которая по определению не может быть связана с конкретными политическими фигурами – как в России, так и в странах Ближнего Востока? В публикуемой статье делается попытка проследить эволюцию ближневосточной политики Москвы и оценить возможные последствия подхода России к сирийскому кризису для позиции, занимаемой ею в этом регионе.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ПРАГМАТИЗМ С АНТИЗАПАДНЫМ УКЛОНОМ	6
СИРИЙСКИЙ ПЛАЦДАРМ ВО ВНУТРИРОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	12
МЕЖДУ ДОГМОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ.....	16
МНОГОЦЕЛЕВАЯ ВОЗДУШНАЯ АТАКА.....	19
В ПОИСКАХ СТРАТЕГИИ ВЫХОДА.....	22
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	25

Введение

Ближневосточную политику России в последнее десятилетие многие аналитики склонны сравнивать с традиционно советской – мол, довольно решительной, со ставкой на силовой фактор (сирийский кризис), но главное – во многом противопоставляющей себя политике «коллективного Запада» (США и Евросоюза). Это справедливо, на наш взгляд, лишь отчасти – в действительности же на протяжении 2000-х годов мы имеем дело с симбиозом элементов политики Москвы советских времен (холодной войны) и ее почти полной противоположности в виде ближневосточной политики демократической России в 90-е годы.

Важно учитывать при этом, что как в советский, так и в постсоветский периоды подход СССР/России к ближневосточным проблемам был неизменно производным от состояния отношений Москвы со странами Запада, особенно США: если в годы холодной войны СССР противостоял Западу в регионе через своих союзников-сателлитов, не считаясь с материальными затратами в пользу последних, то в 90-е годы Россия стремилась извлечь экономическую выгоду из взаимодействия со странами региона, во многом опираясь на солидарную с Западом позицию в отношении ближневосточных конфликтов. Сегодня же ключевыми для будущего России на Ближнем Востоке стали ее действия в сирийском кризисе, видения природы которого существенно разошлись в Москве и в политических элитах стран Запада.

Ниже мы подробнее рассмотрим особенности подхода Москвы к сирийской проблеме как к важнейшему фактору, оказывающему сегодня наибольшее влияние на формирование ближневосточной политики России в целом. Действия России в Сирии (в военном и политическом планах) ставят ряд важных вопросов. В какой степени они соответствуют более широким – региональным – интересам России, укрепляют ее авторитет в арабском (суннитском) мире? Какой должна быть долговременная стратегия России в этом регионе, которая по определению не может быть связана с конкретными политическими фигурами – как в России, так и в странах Ближнего Востока?

Прагматизм с антизападным уклоном

В отличие от СССР, руководство постсоветской России не ставит задачи укреплять и расширять сферу своего влияния в этом регионе посредством «привязывания» к себе стран-«клиентов» через прочные каналы зависимости в областях военно-технического сотрудничества или экономической помощи. Иными словами, Москва не намерена создавать собственную сферу влияния в регионе.

Стоит напомнить, что в период холодной войны взаимодействие Москвы с определенными арабскими странами в этих областях было подчинено логике противостояния Западу и идеологической концепции «построения социализма в развивающемся мире». По сути, страны региона были поделены на сферы «прозападной» и «просоветской» ориентации. Своим клиентам СССР обеспечивал льготные условия поставок вооружений и финансирования экономических объектов – в основном это делалось в кредит. Причем, во многих случаях невозвратность кредитов была очевидной и predetermined – по принципу «сначала политика, а затем – экономика». Сегодня Россия стремится взаимодействовать в указанных сферах, во-первых, уже практически со всеми платежеспособными странами региона (в отличие от Советского Союза, который не был допущен на рынки, например, богатых арабских монархий Персидского залива) и, во-вторых, на сугубо коммерческой основе.

Напомним, что восприятие Россией ближневосточного региона главным образом в экономическом ключе – как рынка сбыта своей продукции¹ и источника финансовых средств в виде займов и кредитов² стало преобладающей чертой политики Москвы в этом

1. В основном различных видов вооружения большинству арабских стран – от истребителей и зенитно-ракетных комплексов Сирии, Алжиру, Ираку до БМП (боевых машин пехоты) – Кувейту, ОАЭ, Палестинской автономии и т.д.; машин и оборудования, тяжелых грузовиков – Египту, Сирии, ОАЭ и т.д.

2. Суверенные фонды ОАЭ, Кувейта, Бахрейна и Катара привлечены к партнерству с Российским фондом прямых инвестиций; получены кредиты от ряда монархий Залива; делается попытка создать механизм взаимодействия финансовой системы России с

направлении в 90-е годы (при президенте Борисе Ельцине). Сегодня это восприятие региона во многом сохраняется: достаточно напомнить, как в 2014 году, после наложения на Россию Западом санкций в связи с кризисом вокруг Украины, Москва попыталась обратиться за займами именно к арабским монархиям Залива, но без особого успеха, поскольку к тому времени обозначились ее расхождения с этими странами в связи с сирийским кризисом.

Наряду с этим, в последние годы – по мере осложнения отношений России с США и Евросоюзом – в Москве начинают все отчетливее видеть в регионе Ближнего Востока зону противостояния России с Западом. То есть, обозначается тенденция возрождения привычного советского стереотипа восприятия этого региона, но уже в условиях отсутствия прежних союзнических отношений Москвы с «традиционными клиентами» времен холодной войны – в частности, с Ливией, Сирией, Алжиром, Египтом, Ираком, Йеменом. Из последних на данный момент сохраняются связи в «традиционном» стиле разве что с Сирией. Со всеми остальными взаимодействие происходит на коммерческой основе в условиях свободного (внеблокового) выбора арабскими странами своих партнеров в военной и экономической сферах.

Подход России по принципу «сначала политика, потом – экономика» просматривается кроме Сирии также и в отношении Ирана: с Тегераном, судя по всему, Москва рассчитывает наладить более прочное партнерство с учетом формально доминирующих в политике аятолл антизападных установок. В российском МИД (Министерство иностранных дел) рассматривают Иран в качестве важного полюса будущего «многополярного мира»³. Речь может идти и о выгодном экономическом взаимодействии, и об определенной координации в военно-политической сфере. И это – несмотря на тот факт, что выход Ирана на рынок энергоносителей после снятия санкций становится дополнительным фактором снижения уровня мировых цен на важнейшие продукты российского экспорта (нефть и газ), а также ограничивает объемы этого экспорта, например, в Европу. Так, на наш взгляд, выглядит сегодня симбиоз мотивов и инструментария ближневосточной политики России.

исламским банкингом – подробнее см.: Россия заменит западные кредиты исламским финансированием // Российско-Арабский Деловой Совет, 29 июня 2015, www.russarabbc.ru.

3. Российский эксперт: Иран и Россия – основные полюса многополярного мира // Iran.Ru, 26 июня 2015, www.iran.ru; Гордеев В. Визит Путина в Иран завершился одобрением 35 совместных проектов // РБК, 24 ноября 2015, www.rbc.ru.

Нельзя не отметить также, что в общественно-политическом пространстве РФ, в котором основательно доминируют провластные телеканалы, периодически воспроизводятся мотивы ностальгии как по временам советской политики на Ближнем Востоке, так и по лидерам, «надежным партнерам СССР в арабском мире» – таким, как Саддам Хусейн в Ираке, Муаммар Каддафи в Ливии, семья Асада в Сирии и т.д. Их свержение, приписываемое главным образом Америке, рассматривается как первопричина появления и расцвета радикального исламизма в регионе. Тем самым телеаудитории навязывается простой тезис: демократия в арабских странах не работает, а потому авторитарные правители предпочтительнее исламистов.

Заметим при этом, что на практике Москва проявляет прагматизм, готовность сотрудничать со всеми правящими группами в странах региона. Показательны в этом плане отношения России с Египтом после «Арабской весны»: в 2012–2013 годах успешно налаживалось взаимодействие с умеренным исламистом Мухаммедом Мурси, несмотря на формальный запрет в России организации «Братья-мусульмане», а после его свержения еще плодотворнее Москва сотрудничает с устранившим Мурси фельдмаршалом-президентом Абдель Фатахом ас-Сиси, который изначально позиционировал себя в политико-идеологическом плане как антипод исламисту Мурси⁴.

Этот прагматизм характерен для президентства Владимира Путина. Заметим, что с приходом в Кремль в 2000 году он рассматривал партнеров на Ближнем Востоке с учетом доминирующей установки своей внешней политики – борьбы с терроризмом (это было время второй войны в Чечне). Во многом именно на антитеррористической основе основательно продвинулись отношения России с Израилем, в частности, вскоре после террористических атак 11 сентября 2001 года. Причем, продвинулись настолько, что это обстоятельство вызвало некоторое беспокойство в арабистских кругах Москвы (как в экспертном сообществе, так отчасти и в МИДе). Так, например, в мае 2001 года обеспокоенный «произраильским креном» ближневосточной политики России академик-политик, тогда лидер парламентской фракции «Отечество – Вся Россия» в Госдуме (Государственной Думе) Евгений Примаков

4. Путин поддержал генерала Сиси в борьбе за президентство // *BBC*, 13 февраля 2014, www.bbc.com; Egypt's Sisi Vows Muslim Brotherhood "Will Not Exist" // *BBC*, 6 мая 2014, www.bbc.com.

предпринял с согласия Кремля «разъяснительный тур» по ряду арабских стран. Многие аналитики рассматривали ту его миссию как стремление восстановить позиции России в арабском мире именно в противовес США и Западу – в духе его знаменитого разворота над Атлантикой в 1999 году в знак протеста против начавшихся бомбежек сербской армии со стороны НАТО (Организация Североатлантического договора). Примечательно, что некоторые заявления Примакова в ходе того визита не всегда находили полное понимание в российском МИДе⁵.

Во многом справедливо, на наш взгляд, мнение о том, что, начиная с середины нулевых годов, именно Евгений Примаков оказывает заметное влияние на процесс формирования ближневосточного курса Кремля – несмотря на свой, казалось бы, не связанный с внешней политикой статус председателя Торгово-промышленной палаты РФ. Это связано с рядом обстоятельств: во-первых, с его авторитетом «ведущего специалиста по странам Ближнего Востока», теоретиком и практиком (бывший министр иностранных дел РФ); во-вторых, с его широкими связями в высших бюрократических кругах России, особенно, в МИДе, покидая который он оставил верных преемников в ведомстве; в-третьих, и это, пожалуй, главное – с усилением расхождений в политике Владимира Путина со странами Запада в основном из-за первого кризиса вокруг Украины в 2004–2005 гг. По этой последней причине линия Примакова оказалась востребованной в Кремле в принципе, что не означает, что он всегда был непосредственно причастен к выработке ближневосточной политики РФ. Следует, на наш взгляд, учитывать и серьезные расхождения в оценках отдельных принципиальных явлений в регионе Примаковым и официальными органами. Например, он решительно отрицал точку зрения относительно причин «Арабской весны» как феномена, «спровоцированного извне», в основном Соединенными Штатами. Напротив, он утверждал, что США, как и Россия, были застигнуты врасплох масштабом протестных движений в арабских странах⁶.

5. Сборов А. Евгений Примаков заговорил проарабски // Коммерсант, № 105, 20 июня 2001, www.kommersant.ru.

6. Так, отвечая на вопрос корреспондента «Российской газеты», Евгений Примаков сказал следующее: «Это была полная неожиданность. И не только для меня – для всех: для американцев, для европейцев, для самих арабов... Выступления против авторитарного режима в какой-то одной стране были возможны. Переворот где-то мог быть ожидаемым. Но чтобы вот так – волна прокатилась по всему региону, – этого никто не предполагал...». Снегирев В. Очень Ближний Восток // Российская газета, 8 августа 2012, www.rg.ru.

Если в 2004–2005 гг эти расхождения с Западом выражались в риторических пассажах руководителей и представителей России⁷, то в январе-феврале 2006 года Москвой было предпринято первое практическое действие – Кремль признал победу ХАМАС («Исламское движение сопротивления») на палестинских выборах, отказался от предварительно согласованной в рамках «ближневосточного квартета» (США, Россия, ООН (Организация Объединённых Наций), ЕС) схемы международного бойкота правительства ХАМАС, отказался признать эту организацию террористической и даже пригласил ее представителей посетить российскую столицу в марте 2006 года (в дальнейшем эти визиты стали регулярными).

Иными словами, как и в советские времена, именно на ближневосточной арене расхождения между Москвой и Западом начали обретать практическое воплощение. Вскоре наметившаяся тенденция частичного возвращения России к советской схеме восприятия Ближнего Востока как зоны противостояния с Западом получила новое подтверждение: в ракетной войне (июль-август 2006 года) между Хизбаллой и Израилем позиция России расценивалась в регионе и в мире скорее в пользу Хизбаллы и Ливана, чем Израиля, подвергнувшегося неспровоцированной агрессии со стороны северного соседа. Тогда, напомним, одним из упреков Израиля и Запада в адрес России стали утверждения о том, что российские ракеты, поставляемые правительству Башара Асада, оказываются у Хизбаллы и обрушиваются на головы израильтян. Годом раньше в интервью израильскому телеканалу Channel-1 Владимир Путин заявил, что продолжит поставлять ракетные системы Сирии, которые, по его словам, «лишь осложнят работу израильских ВВС», но не нарушат баланс сил в регионе. «Вы

7. Например, после терактов в театре на Дубровке в октябре 2002 года и в Беслане в сентябре 2004 года В. Путин начал говорить о «поддержке Вашингтоном террористов в России». Вот его слова: «Мы не проявили понимания сложности процессов, происходящих в своей стране и в мире в целом... Проявили слабость. А слабых бьют. Одни хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия – как одна из крупнейших ядерных держав мира – еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм – это, конечно, только инструмент для достижения этих целей». Обращение президента России Владимира Путина, 4 сентября 2004, <http://kremlin.ru>. См. также документальный фильм «Президент» // Россия1, 26 апреля 2015, <http://russia.tv>.

(израильтяне – А.Ш.) больше не сможете летать над президентским дворцом Башара Асада», – подчеркнул российский президент⁸.

8. Путин В.: Российские ПЗРК защитят Сирию от Израиля // РБК, 21 апреля 2005, www.rbc.ru.

Сирийский плацдарм во внутрироссийском контексте

Если разразившаяся в 2011 году «Арабская весна» изначально поставила страны Запада перед необходимостью выбирать между поддержкой статус-кво и принципами демократии («народ имеет право на восстание против диктатуры, на формирование собственной власти»), то у российского руководства такой дилеммы не было. В Москве преобладала оценка «Арабской весны» как результата «манипуляций и вмешательства стран Запада» (очередная версия «цветной революции»)»⁹ с целью изменения статус-кво в арабском мире в соответствии со «стратегическими интересами Запада», а потому при сохранении формального нейтралитета (невмешательства в происходящие процессы в странах «Арабской весны») руководство РФ в целом критиковало и осуждало массовые протестные движения в этих странах. При этом в рамках логики «протестные движения нелегитимны, а власть (диктаторы и автократы) легитимна» Москва открыто выступила в поддержку властной группы только в одной стране – Сирии.

Почему именно в этом случае руководство РФ пошло на вовлеченность в конфликт в стране «Арабской весны», продемонстрировав приоритет геостратегических расчетов над всеми остальными? Аргументы, связанные с потребностью России в военно-морской базе в Тартусе или «особыми отношениями» Москвы и Дамаска на протяжении десятилетий, объясняют многое, но не все. Достаточно отметить, что лидеры сирийской оппозиции на начальных

9. Вот что сказал, например, в этой связи глава российского МИД Сергей Лавров в октябре 2012 года: «"Арабская весна" – это всходы семян, которые посеял еще Джордж Буш-младший, выдвинув концепцию "Большого Ближнего Востока" и демократизации всего этого пространства. Сейчас мы пожинаем плоды, потому что эта одержимость навязанными извне переменами по внешним рецептам никак не была подкреплена планами, долгосрочными или хотя бы среднесрочными прогнозами и оценками». *Воробьев В.* За и ПРОтив. Сергей Лавров о внешнеполитических врагах, о возможной войне между США и Ираном и многом другом // Российская газета, Федеральный выпуск № 5918 (245), 24 октября 2012, <http://rg.ru>.

стадиях конфликта пытались убедить Россию поддержать протестное движение против Асада, обещая учесть и соблюсти все базовые интересы РФ в этой стране.

Реальное объяснение проасадовской позиции Кремля кроется, на наш взгляд, в другом: апогей сирийского кризиса (переход из мирной стадии в стадию гражданской войны) в конце 2011 – начале 2012 гг. пришелся на драматичный момент смены власти в самой России, на возвращение в Кремль Владимира Путина, PR-команда которого провела знак равенства между протестными движениями в арабских странах с таковым в самой России («Болотная»)¹⁰. Из этого следовало, что данные движения инспирированы «мировой закулисой» (т.е. Америкой и Европой), что Запад стремится «покорить» Сирию, после чего «возьмется за Россию». А потому сохранение «законной власти Башара Асада» в Сирии, мол, отвечает базовым интересам России. Таким образом, поддержка Асада навязывалась телевидением как символ противостояния суверенной России «агрессивному Западу». По сути, был применен известный политтехнологический прием запуска мобилизационного сценария – «сплочения нации перед лицом внешней угрозы».

В картину восприятия сирийского конфликта как противостояния законной власти Башара Асада «внешней агрессии» – сначала Западу, а затем и террористам-джихадистам ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) – не вписывались такие «детали» как вековые противоречия между суннитами и шиитами в самой Сирии и в регионе в целом. Похоже, именно это имел в виду Владимир Путин, говоря, что сирийский конфликт – это не про суннитов и шиитов, а, с его точки зрения, битва за восстановление суверенитета Сирии против внешних врагов и их «клеветов» внутри страны¹¹. По этой причине картина происходящего в Сирии представляется российским телевидением, как правило, в черно-белом цвете: законное правительство в Дамаске и противостоящие ему силы, именуемые «террористами», часть которых («умеренная оппозиция») пользуется поддержкой Запада.

10. Неверов С. Почему в Россию не придет арабская весна // Независимая газета, 10 февраля 2012, www.ng.ru.

11. Путин в эксклюзивном интервью: Россия миролюбива, самодостаточна и не боится террористов // Вести.RU, 11 октября 2015, www.vesti.ru; Путин: РФ не будет ввязываться в межрелигиозные конфликты в Сирии // РИА Новости Украина, 11 октября 2015, <http://rian.com.ua>.

Таким образом, в битве «добра со злом» в Сирии Россия была и остается на стороне «добра». Запад же с его региональными союзниками (Турцией, как членом НАТО, и арабскими монархиями Залива) скорее на стороне «зла», поскольку оказывает поддержку силам, противостоящим «законной власти Башара Асада». При этом предпринимаются пропагандистские усилия с тем, чтобы утвердить в информпространстве некую связь между такими странами-союзниками США, как Турция и Саудовская Аравия, с одной стороны, и террористическими группировками «Исламское государство» и Джебхат ан-Нусра, с другой. Впрочем, в Москве нередко звучат и прямые обвинения Вашингтона в «причастности к созданию» упомянутых террористических групп. По телеканалам, как правило, подобное можно слышать из уст депутатов, прокремлевских экспертов, но не часто от самих высокопоставленных представителей исполнительной власти. Что не меняет сути дела: тезис о том, что за упомянутыми террористическими группировками в Сирии стоят «западные и ближневосточные спонсоры», является общепринятым во властных кругах России.

Как видим, картина происходящего в Сирии максимально «подогнана» под стандарты понимания внутренней (российской) аудиторией внешней политики РФ в целом: «страна отстаивает свой суверенитет в противостоянии агрессивному Западу на всех фронтах» – будь то Украина или Сирия. Эти клише, заметим, существенно расходятся с реалиями, в частности, сирийскими, где несколько конфликтов одновременно накладываются друг на друга, а именно – борьба части сирийского народа против авторитарного режима Башара Асада (борьба за демократию), проявляющаяся также в религиозном преломлении в виде противостояния суннитского большинства в самой Сирии алавитско-шиитскому меньшинству, узурпировавшему власть в Дамаске (суннитско-шиитское противостояние); наконец, борьба сирийцев (армии Асада и оппозиции, включая умеренных исламистов) против пришельцев-джихадистов в виде террористических группировок «Исламское государство» и Джебхат ан-Нусра.

Доминирование упомянутой черно-белой схемы, похоже, заметно затрудняет и работу российской дипломатии, вынужденной искать партнеров по переговорам в том числе и в среде сирийских противников режима Асада, большая часть которых, повторим, официально именуется московским телевидением «террористами». Так, например, широкий резонанс приобрело высказывание замминистра иностранных дел РФ Михаила Богданова еще в

декабре 2012 года относительно необходимости принимать во внимание сирийскую оппозицию: «Нужно смотреть фактам в глаза, тенденция как раз в том направлении, что режим и правительство [Сирии] теряют все больше контроля на все большей территории. К сожалению, нельзя исключать победы сирийской оппозиции». Оно вызвало бурю возмущений в Госдуме и отчасти в Кремле, что и стало причиной его официального дезавуирования МИДом РФ¹².

12. *Смирнов С.* Российский МИД посчитал несуществующим заявление Богданова по Сирии // *Ведомости*, 14 декабря 2012.

Между догмой и реальностью

При этом важно подчеркнуть, что будет неверным полагать, что в Москве не понимают реальной картины происходящего в Сирии. Ее не только понимают в определенных кругах, но и пытаются найти варианты решения, которые при этом не опровергали бы официальной черно-белой схемы восприятия сирийского конфликта.

Так, в Москве не отрицают необходимости разумной либерализации (демократизации) сирийского режима, но настаивают на участии в этом процессе самого Башара Асада. И приводят примеры определенных шагов в этом направлении: «альтернативные» выборы президента летом 2014 года, легализацию в Дамаске ряда группировок интеллектуалов, критически относящихся к режиму, освобождение части политзаключенных и т.д.¹³.

Но самым показательным в этом отношении стала попытка создать в 2015 году «московскую платформу» для межсирийских переговоров, сформировав группу по сути «удобной для Асада оппозиции». Речь идет о проведении в Москве двух встреч представителей так называемой «патриотической оппозиции» Сирии с прицелом на их последующее вовлечение в переговорный процесс с сирийским правительством. Во встречах принимали участие представители так называемой «легальной оппозиции» из числа проживающих в Дамаске интеллектуалов и бизнесменов, склонных критиковать лишь отдельные аспекты политики Башара Асада, но не его режим в целом. По-настоящему же оппозиционные группировки, объединенные в Национальную коалицию, проигнорировали настойчивые приглашения российского МИД поучаствовать в дискуссиях «московской платформы».

В результате попытка создать в Москве «патриотическую группу оппозиционных сирийских политиков» и представить ее в качестве

13. Интервью заместителя Министра иностранных дел России Г.М.Гагилова германскому журналу «Дер Шпигель», опубликованное 14 февраля 2016 года // Посольство России в Федеративной Республике Германия, 15 февраля 2016, <https://russische-botschaft.ru>.

вероятного партнера по переговорам с правительством Асада успехом не увенчалась. Максимум на что можно рассчитывать в контексте налаживаемого ныне через ООН переговорного процесса – это подключение отдельных представителей «дамасской оппозиции» к переговорам с правительством Асада в Женеве либо в качестве «третьей силы», либо в составе объединенной делегации сирийской оппозиции. Основные оппозиционные группы для участия в переговорном процессе были сформированы, как известно, в Эр-Рияде. Это представители тех повстанческих группировок, которые сражаются с режимом Асада и ИГИЛ на поле боя.

Отчетливо понимают в Москве и вызов суннитско-шиитского измерения сирийского конфликта. В частности, это проявляется в достаточно частых визитах в Россию представителей правящих семей арабских монархий Залива, которых нередко принимают на самом высоком уровне. Последние иногда проявляют инициативу в наращивании контактов с Москвой, в том числе и с целью попытаться убедить российское руководство поменять ставки в сирийском конфликте (отказаться от поддержки Башара Асада и дистанцироваться от шиитского Ирана) в обмен на финансово-экономические дивиденды и привилегии¹⁴. В Москве же, похоже, стараются уйти от политических аспектов дискуссий с тем, чтобы сконцентрироваться на экономической стороне взаимодействия с арабскими монархиями. Т.е. в этом случае очевидны попытки Москвы получить экономическую выгоду от сотрудничества с монархиями, но не в ущерб геополитическому приоритету, определяющему подход РФ к проблемам ближневосточного региона.

При этом в Кремле, похоже, признают, что частые визиты арабских монархов вызваны не только официальной повесткой переговоров в России, но и их разочарованием в политике администрации Барака Обамы в отношении сирийской проблемы. Апогеем этого разочарования стала так называемая химическая сделка с правительством Башара Асада, оформленная по инициативе Москвы в Совбезе ООН в конце 2013 года.

Поясним: вместо обещанных Обамой в августе–сентябре 2013 года ракетных и авиаударов по позициям сирийской армии в качестве возмездия за масштабное применение химоружия в пригороде Дамаска (август 2013 г.) Вашингтон

14. Саудовский принц Бандар предъявлял Путину ультиматум? // ЦентрАзия, 27 августа 2013, www.centrasia.ru.

согласился с Москвой ограничиться ликвидацией запасов химоружия, контролируемых правительством, заключил с ним сделку и тем самым в значительной степени легализовал ранее «нерукопожатного» Башара Асада в качестве важнейшего партнера по договоренности. На поле боя это вызвало, считают политики арабских монархий, процесс радикализации противостоящей Асаду оппозиции, укрепление и резкий взлет террористической группировки «Исламское государство», успешное наступление армии Асада на своих противников. Иными словами, разочарованные в позиции Вашингтона арабские монархи активизировали попытки наладить взаимопонимание с Москвой – как центром силы, с которым приходится считаться¹⁵.

15. Erlangerdec S. Saudi Prince Criticizes Obama Administration, Citing Indecision in Mideast // *The New York Times*, 15 декабря 2013, www.nytimes.com; Weiss M. Russia's Return to the Middle East // *The American Interest*, 13 декабря 2013, www.the-american-interest.com.

Многоцелевая воздушная атака

Начатая в конце сентября 2015 года и формально завершенная 14 марта 2016 года операция российских ВКС (Военно-космических сил) в Сирии, судя по всему, преследовала не только официально провозглашенные цели («борьба против террористических группировок» и «укрепление позиций Башара Асада как партнера в борьбе с терроризмом»), но и была направлена на изменение соотношения сил на поле боя в пользу правительства Сирии и тем самым на усиление позиции последнего на предстоящих рано или поздно переговорах. Москва при этом воспользовалась политическим вакуумом (срывом переговорного процесса «Женева-2»), военно-стратегическим вакуумом (отсутствием на территории Сирии военных объектов стран руководимой Соединенными Штатами международной коалиции и зон, запретных для полетов сирийской, а следовательно и российской авиации). После инцидента со сбитием бомбардировщика турецкими истребителями в октябре 2015 года российские ВКС разместили в районе Латакии зенитно-ракетные комплексы, что де-факто обеспечивало закрытие западной части сирийского неба для полетов авиации стран коалиции. Тем самым Россия становилась самым значимым в военном отношении фактором в Сирии.

Учитывая тот факт, что кризис в Сирии стал выражением нерешительности и неспособности коалиции Запада и арабских стран справиться с этой проблемой (ни в гуманитарном, ни в военном планах), появление российских ВКС в этой стране предоставляло Москве возможность не только продемонстрировать решительность (в рамках собственного видения природы кризиса), военную мощь, но и превратить сам этот кризис в фактор, влияющий на позиционирование России в мире в новых условиях. Логично предположить, что через форсирование своей вовлеченности в сирийский кризис в Москве рассчитывали и на такой его, казалось бы, «побочный» эффект, как существенное повышение уровня взаимопонимания Кремля с политическими элитами стран Запада в отношении прежде всего Украины – в контексте «совместной борьбы с терроризмом». Как минимум, вовлеченность в сирийскую ситуацию

предоставляла Москве возможность преодолеть состояние политической изолированности на глобальном уровне в связи с конфликтом в Украине.

Вскоре, однако, стало ясно, что российское видение происходящего в Сирии и действия на поле боя существенно расходятся с тем, что считают целесообразным и правильным страны руководимой США антииригловской коалиции. Напомним, что с первых дней операции ВКС лидеры стран Запада и арабских государств начали обвинять Россию в том, что ее самолеты наносят удары не по позициям террористов «Исламского государства» и Джабхат ан-Нусры, как было оговорено в сентябре на встрече в Нью-Йорке президентов США и России, а по позициям умеренных группировок сирийских повстанцев, воюющих против режима Асада. Иными словами, против союзников Международной коалиции, против тех, кто должен в перспективе, с точки зрения коалиции, сменить режим Асада в конечном счете политическим путем (в результате переговоров). В политических кругах стран коалиции довольно популярным стало предположение о том, что подлинная стратегия Москвы в Сирии сводится к задаче «максимально ослабить или даже уничтожить группировки антиасадовских повстанцев на поле боя» и тем самым якобы предложить мировому сообществу все ту же черно-белую картину, согласно которой в сирийской драме действуют лишь два актора – Асад и террористы ИГИЛ.

В контексте такого восприятия происходящего страны Международной коалиции отказались де-факто от взаимодействия с Россией. А это, судя по всему, повлекло за собой крах расчетов Москвы на укрепление взаимопонимания с Западом и по Украине. Уместно добавить к этому и обозначившееся «повышение цены» российской вовлеченности в конфликт в виде террористических актов (подрыв гражданского лайнера с российскими туристами над Синаем, других более мелких инцидентов террористического характера), а также сбитие турецкими истребителями российского бомбардировщика СУ-34, повлекшее гибель двух человек. Помимо основных уже перечисленных налагающихся одно на другое противостояний в Сирии возникло новое, все более нарастающее в военном плане – между Россией и Турцией. Оно вряд ли учитывалось как вероятное перед началом российской операции, поскольку формально Москва и Анкара борются против общего врага – ИГИЛ.

Важно подчеркнуть, что в этом новом противостоянии Турцию практически полностью поддерживают страны-члены НАТО, подвергая критике действия России в Сирии. Это означает углубление

расхождений между Москвой и Североатлантическим альянсом в целом не только по Украине, но и по Сирии. Уместно добавить к этому и усиление взаимодействия Турции и Саудовской Аравии (можно говорить о всех арабских монархиях Персидского залива) против режима Асада и ИГИЛ. В частности, Анкара и Эр-Рияд активно декларируют наличие собственного «плана Б» на случай провала перемирия и переговорного процесса в Женеве («Женева-3»). Этот план, по имеющимся сведениям, предполагает целый ряд мероприятий военного характера – вплоть до введения сухопутных сил арабских государств и Турции для поддержки умеренных группировок повстанцев. Понятно, что осуществление данного плана означает новый этап эскалации сирийского конфликта. В этом же контексте следует рассматривать и признание Лигой арабских государств шиитской «Хизбаллы» (объективно союзницы России в Сирии) террористической организацией¹⁶. Тем самым создается политико-идеологическое обоснование для активизации комплексных усилий арабских стран на сирийском поле боя под тем же предлогом, что ранее сделала и Россия – «борьба с терроризмом».

Вкупе все это свидетельствует о политически неблагоприятном для России развитии событий вокруг сирийского кризиса: судя по всему, расчеты действий по схеме «через военные успехи к политическим свершениям» были обречены на ограниченный эффект (ликвидацию прямых угроз свержения правительства Асада, содействие некоторому продвижению его войск в направлении стратегических центров, оккупированных противником – Алеппо, Хомс, Хама и другие, т.е. создание наступательной динамики для армии Асада). Отсюда вывод: приступить к переговорному процессу стратегически и политически для России выгоднее сейчас даже ценой приостановки успешного наступления правительственных войск в Сирии, поскольку на вероятном следующем этапе эскалации конфликта цена участия в нем резко возрастет; число противостоящих России сторон может заметно увеличиться. Не должна удивлять и повышенная гибкость Москвы, которая ради запуска переговорного процесса дала согласие на участие на стороне оппозиции ряда организаций, которые она склонна относить к категории «террористических» – это, например, «Джейш уль-Ислам», «Ахрар аш-Шам» и другие.

16. Arab League Labels Hezbollah Terrorist Organization // *Reuters*, 11 марта 2016, www.reuters.com.

В поисках стратегии выхода

Вряд ли стоит сомневаться в том, что устойчивое и долговременное урегулирование сирийского конфликта в Москве видели и продолжают видеть только через межсирийский переговорный процесс. Вопрос изначально, однако, упирался в главное: кто должен стать сторонами в переговорах с тем, чтобы гарантированно обеспечить сохранение присутствия России в Сирии (с Асадом или без него) и соблюдение ее стратегических интересов там?

Сценарий с «московской платформой» (вариантом переговоров между правительством Асада и «удобной» для него по сути соглашательской оппозицией) был обречен изначально, будучи отвергнутым и сирийскими повстанцами, и всеми арабскими странами. Особенно отчетливо это проявилось по результатам второго раунда переговоров в Москве в апреле 2015 года, когда выплеснулись наружу разногласия даже между представителями этой «дамасской оппозиции»¹⁷.

По времени это совпало с резкой активизацией боевых действий повстанцев против правительственных войск в Сирии. Созданные таким образом угрозы для правительства Асада в Дамаске и послужили одной из веских причин для начала операции российских ВКС во взаимодействии с наземными группировками сирийского правительства, Ирана и Хизбаллы. Силовым маневром Москва рассчитывала создать новые благоприятные условия для переговоров, которые могли бы закрепить успех на поле боя.

Эта стратегия, однако, обернулась повышенными политическими издержками: Запад и арабские страны наращивали критику действий ВКС, обвиняя российских военных не только в нанесении ударов по «умеренной оппозиции», но и в «неизбирательной бомбардировке» объектов, влекущей за собой гибель мирных жителей. В Москве отрицают эти обвинения, но не в состоянии их полностью игнорировать. В итоге бремя военных, политических и имиджевых издержек становится все тяжелее. Решение просматривается в

17. Сирийцы в Москве не договорились о единогласии // *BBC*, 10 апреля 2015, www.bbc.com.

скорейшем начале переговоров в приемлемом формате – под эгидой ООН при фактическом участии России и США.

Курс на перемирие и переговоры, единодушно одобренный членами Совета безопасности ООН резолюцией 2268 (26 февраля 2016 года), однако, не вызвал особого удовлетворения среди союзников России – в Дамаске и Тегеране. Причин тому несколько, но главная – вынужденная приостановка успешной наступательной операции их наземных войск в ряде стратегически важных районах (Алеппо, Хама, Дераа).

При том, что правительственная делегация Сирии вовремя прибыла в Женеву в середине марта (не без давления с российской стороны), накануне в Дамаске были сделаны несколько демаршей, которые расценены российской стороной как противоречащие линии Москвы на переговоры. Одно из них – заявленное Башаром Асадом намерение «освободить всю территорию Сирии от террористов». Оно публично было подвергнуто критике представителем РФ в ООН Виталием Чуркиным¹⁸.

Итак, какие условия и договоренности по сирийскому урегулированию могут считаться Москвой приемлемыми и представленными внутрироссийской аудитории как «победные»? Прежде всего это достижение согласия в непосредственном общении между лидерами России и США, что выглядит как «преодоление Россией политической изоляции, принуждение США к признанию значимости России в мире». Второе – обеспечение достаточно прочной позиции Башара Асада в западной части Сирии и на переговорах в Женеве. Третье – формальный запуск самого переговорного процесса. Четвертое – комплекс мероприятий по предотвращению новых потерь в живой силе и технике РФ на сирийской территории.

Первые три из перечисленных условий оказались реализованы к середине марта 2016 года, что позволило Владимиру Путину приступить к выполнению четвертого – объявлению о частичном выводе российской группировки из Сирии. На фоне наступательной динамики армии Асада и формально начавшегося переговорного процесса в Женеве выстраивались необходимые «сценические декорации» («Россия принудила стороны к мирным переговорам») для преподнесения данного решения как «победного» прежде всего

18. Russia Warns Assad Not to Snub Syria Ceasefire Plan // *Reuters*, 18 февраля 2016, www.reuters.com.

внутрироссийской аудитории. Главный же мотив этого решения, на наш взгляд, – избежать вовлеченности в вероятную новую стадию сирийского конфликта, когда страны региона могут приступить к реализации «плана Б», а также попытаться снизить накал критики действий России мировым сообществом.

Оправданы, на наш взгляд, и предположения о том, что решение Путина отчасти было вызвано и возникшей напряженностью в отношениях Москвы с союзниками на поле боя – Дамаском и Тегераном: последние якобы пытались оказывать давление на Москву с целью нарастить наступательную динамику в Сирии¹⁹. То есть, по сути, они подталкивали Россию к действиям, ответом на которые могла стать реализация Турцией и Саудовской Аравией «плана Б» с последующей резкой эскалацией конфликта. В этом контексте решение о выводе «части контингента» представляется компромиссным по отношению к Дамаску и Тегерану: так остающаяся «часть контингента» заявляется готовой к выполнению задач в экстренных ситуациях (например, в случае возобновления боевых действий и, как следствие, угроз захвата повстанцами Дамаска), но при этом предполагается резкое снижение интенсивности участия ВКС в обычных ситуациях, тем более наступательного характера.

19. *Karam Z.* Moscow's Drawdown in Syria Sends a Strong Message to Assad // AP, 15 марта 2016, <http://bigstory.ap.org>.

Заключение

Ближневосточная политика России в последние полтора десятилетия характеризуется сочетанием черт традиционного советского подхода («Ближний Восток – зона противостояния СССР/России с Западом») и его противоположности в виде линии, проводившейся в период президентства Бориса Ельцина («Экономика – сначала; геополитика – потом»). Такое сочетание позволяет Владимиру Путину выстраивать свой прагматический подход к проблемам региона. Пример: Россия может противостоять Саудовской Аравии в Сирии, но взаимодействовать с ней в сфере энергоносителей и поставок вооружения.

При этом вряд ли уместно говорить о какой-либо долгосрочной стратегии Москвы на Ближнем Востоке. Действия России во многом не только производны от глобального уровня ее отношений с ведущими странами мира, прежде всего с США, но зачастую и выстраиваются ситуативно с опорой на промахи/провалы политики Вашингтона в регионе. Особенно отчетливо это проявляется после заключения «химической сделки» 2013 года: разочарованные в позиции Вашингтона, его арабские партнеры, а также нередко и Израиль, стремятся наладить рабочие контакты с Москвой, несмотря даже на существенные расхождения по отдельным принципиальным вопросам (арабские монархии, например, по Сирии и Ирану, а Израиль – по Ирану, Хамасу и Хизбалле и т.д.).

Позиция России и комплекс ее действий военного характера в отношении сирийского конфликта, продиктованные в немалой степени внутривнутриполитическими соображениями Кремля, способны осложнить отношения Москвы, в частности, с монархиями Персидского залива. Произойдет ли это – покажут ход и результаты начавшегося процесса поиска политического урегулирования в Сирии. На частичное снятие возникшего напряжения в этом плане работает и решение Москвы вывести «основной контингент» из Сирии, а также заявленное намерение РФ взаимодействовать с монархиями в рамках ОПЕК (Организация стран – экспортёров нефти) по нормализации энергетических рынков. В этом же направлении работает и недовольство арабских элит политикой администрации Барака Обамы.

На сколь-либо продолжительный период роль России в этом регионе будет определяться результатами сирийского урегулирования, способностью Москвы балансировать между Эр-Риядом и Тегераном (суннитами и шиитами), а также внешнеполитическими установками администрации США, которая придет в Белый дом в 2017 году.

Последние публикации

Russie.Nei.Visions

- Ло Б., «Иллюзия сближения: Россия, Китай и страны БРИКС», *Russie.Nei.Visions*, № 92, февраль 2016, www.ifri.org.
- Биссон Л., «Иммиграционная политика России: новые вызовы и инструменты», *Russie.Nei.Visions*, № 91, январь 2016, www.ifri.org.
- Поляков Л., «Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор?», *Russie.Nei.Visions*, № 90, декабрь 2015, www.ifri.org.
- Тимофеев И., Алексеенкова Е., «Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения», *Russie.Nei.Visions*, № 89, декабрь 2015, www.ifri.org.
- Бунин И., Макаркин А., «Россия: государство и бизнес», *Russie.Nei.Visions*, № 88, ноябрь 2015, www.ifri.org.
- Коростиков М., «Уйти, чтобы вернуться: российские чиновники и госкомпании», *Russie.Nei.Visions*, № 87, август 2015, www.ifri.org.
- Милов В., «Новые энергетические альянсы России: мифы и реальность», *Russie.Nei.Visions*, № 86, июль 2015, www.ifri.org.
- Деланоэ И., «Курды: вектор российского влияния на Ближнем Востоке?», *Russie.Nei.Visions*, № 85, июнь 2015, www.ifri.org.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: campagne@ifri.org.

ifri

institut français
des relations
internationales